

РЕЦЕНЗИИ

Новые книги и старые тренды в изучении
Средневековья России*А. Ю. Дворниченко*

Для цитирования: Дворниченко А. Ю. Новые книги и старые тренды в изучении Средневековья России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 793–806. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.315>

Киевская Русь — общая «античность» восточнославянских народов и государств — в XX в. стала одной из важнейших сфер интереса историков, особенно в советский период. Отрадно то, что и сейчас не умирает понимание значимости этой эпохи для адекватной трактовки весьма спорной восточноевропейской истории. Статья посвящена анализу трудов С. Н. Темушева, посвященных истории Киевской Руси. Если первый труд об образовании Древнерусского государства вряд ли заслуживает пристального научного внимания, то второй интересен для понимания тех процессов, которые происходят в современной исторической науке. Спорен подход ученого к источникам: так, он явно недооценивает значение летописей — основного источника по истории Киевской Руси. Не менее спорна и трактовка историографии — во всяком случае, в публикациях границы между разными ее течениями размыты. Автор изобрел некую «налогово-данническую систему», которая, по его мнению, является ключевым элементом финансовой системы государства. При этом предпринимается попытка показать роль данной системы в становлении Древнерусского государства и феодализма.

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant no. 19-18-00073-P “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th–20th Centuries” of the Russian Science Foundation.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Исследователь решил возвыситься над схваткой: критиковал феодализм, а потом явил приверженность государственному феодализму. Это вносит теоретическую и историографическую путаницу в текст. Напрашиваются определения базовых понятий для той эпохи: что такое государство, мог ли быть феодализм на просторах отсталой Восточной Европы? Достижения западной науки, например открытие вождества, историк не учитывает, а своей целостной концепции древней истории не предлагает. Столь же спорны его утверждения и касательно отношений восточных славян с окрестными народами. В частности, не ясно, почему финно-угорские и балтские племена рассматриваются не как объект внешней политики для Руси, а как иноязычные федераты.

Ключевые слова: С. Н. Темушев, Древнерусское государство, источники, историография, феодализм, государственный феодализм, налогово-данническая система.

New Books and Old Trends in the Study of the Russian Middle Ages

A. Yu. Dvornichenko

For citation: Dvornichenko A. Yu. New Books and Old Trends in the Study of the Russian Middle Ages. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 793–806. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.315> (In Russian)

Kiev Rus' is a common “antiquity” for the East-European countries and nations. During the previous century it became one of the most popular themes for the historians, particularly, for the Soviet scholars. It is gratifying that an understanding of the significance of this epoch for the adequate perception of complex East-European history has not faded. This article analyzes new books devoted to Kiev Rus' written by S. N. Temushev. His first work about the “formation of the state” of Ancient Rus' is not of great scholarly interest but the second one is indicative of the current processes of the complex situation in the humanities. This author's approach to the historical sources is very disputable — he evidently underestimates the significance of Russian chronicles. His perception of historiography is also arguable because he blurs the boundaries between different trends. There is a combination and mixture of different notions in his work. The author of the monograph puts forward some “tax-tribute system” and tries to show its role in formation of some “state and feudalism”. He does not take in account such scholarly achievement of Western historiography as identification of “chiefdom”, but at the same time does not propose any new concept. He begins with a critique of feudalism but ends up as an adherent of so called “state feudalism” — in its most artificial and meaningless sense in our historiography. His interpretation of the relationships of eastern Slavs with their neighbours, particularly, with the Lithuanians is also doubtful. In his opinion, Finno-Ugric and Baltic tribes were not the objects of foreign policy of Rus', but some “foreign confederates”.

Keywords: S. N. Temushev, *Ancient Rus' state*, sources, historiography, feudalism, state feudalism, tax-tribute system.

Жанр рецензии в России, к сожалению, постепенно отмирает — редко какой журнал берется их публиковать. В советский период рецензия была обычным делом, важным элементом научного продвижения историка, а порой и орудием в борьбе научных направлений. С книгами тоже было по-другому — издать ее желанную было крайне трудно — зачастую надо было пройти этапы, вполне напоминающие круги Дантова ада. Спасибо М. С. Горбачеву, инициировавшего перестройку и очередное возрождение российского «капитализма», — ситуация в корне изменилась! Издать книгу стало гораздо легче, особенно если автор имеет возможность оплатить процесс подготовки и публикации своего сочинения.

Казалось бы, какая благодать! Но жизнь сложна и порой непредсказуема. Данная легкость привела к тому, что, с одной стороны, хлынул поток низкопробной литературы, а с другой — книга (научная монография в том числе) перестала быть главным орудием познания истории. Внимание постепенно сдвинулось в сторону статей в журналах, входящих в различные базы данных, и именно они стали показателем научного успеха, что на самом деле грозит если не смертью, то явным кризисом исторической науки. Это существенный довесок к той проблеме, что историю средневековой Восточной Европы теперь делят между собой страны постсоветского пространства — другими словами, страны, возникшие на развалинах Советского Союза¹. Стимул к публикации рецензий пропал.

И все-таки возьму на себя смелость утверждать, что этот жанр себя не исчерпал. Он по-прежнему очень полезен и должен по возможности сопрягаться с более широким и глубоким (монографическим) погружением в историографическую проблематику. Иной раз книга как будто бы и не заслуживает пристального внимания, однако ее рассмотрение позволяет многое понять в современных трендах исторической науки в России. Это, конечно, не относится к тем совершенно низкопробным с научной точки зрения сочинениям, которыми, к сожалению, так богата современная российская традиция.

Вот передо мной книга С. Н. Темушева «Налоги и дань в Древней Руси»², в аннотации к которой сказано, что этот труд посвящен «одной из ключевых проблем развития Древней Руси — формированию государственных (княжеских) финансов». Следует признать, что заявленная тема довольно интересна. По ней, кстати, была защищена и докторская диссертация, а это по-прежнему придает в наших глазах дополнительную ценность исследованию. Я вспомнил о том, что уже приобрел как-то более раннюю книгу этого автора «Образование Древнерусского государства». С нее, пожалуй, и начну. Она издана в серии «Исторические исследования», а это, согласитесь, ко многому обязывает!

Автор поставил перед собой масштабную задачу: «представить историю возникновения Древнерусского государства в общеевропейском контексте, изучить геополитическую обстановку в Восточной Европе накануне и в ходе формирования государственности восточных славян с критической оценкой имеющихся в распоряжении исследователей источников»³. Что же у него получилось? Первый раздел посвящен анализу источников: на нескольких десятках страниц дается некая не вполне систематизированная информация о тех источниках (древнерусских и иностранных), в которых можно найти сведения о Древнерусском государстве, его зарождении и развитии. Того, что в научной литературе называется научной новизной, в тексте этого раздела обнаружить не удастся.

Второй раздел посвящен непосредственно «генезису государственности в восточнославянском регионе» и начинается с «историографии» проблемы. Не хочу

¹ См.: Дворниченко А. Ю.: 1) «Воображаемая другая»: Киевская Русь в научно-учебном курсе Восточной Европы // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. 2022. № 2 (18). С. 70–82; 2) Так чья же это история? Историографический дискурс Великого княжества Литовского // Ресурсный потенциал региона на службе Отечеству: к 100-летию Удмуртской Республики и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ижевск, 2020. С. 83–98.

² Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. М., 2021. — Это расширенный вариант более ранней книги: Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. Минск, 2015.

³ Темушев С. Н. Образование Древнерусского государства. М., 2020. С. 7.

выглядеть предвзятым, но могу подойти к разделу критически хотя бы потому, что сравнительно недавно я постарался создать такой труд по тематике, о которой сейчас идет речь⁴. Почему на него не обратил внимание автор, не совсем понятно. Хотя, к сожалению, умалчивание тех или иных не очень «угодных» трудов, выборочная трактовка историографии — черта всей современной российской исторической науки. Как увидим, она присуща автору в меньшей степени, чем другим. На фоне такого прочтения исторической литературы не вызывает удивления бедность теоретических трактовок феномена государства, «ключевым фактором в эволюции» коего оказывается *власть вождя/князя*⁵.

Надежда прочитав что-либо новое, свежее на этих страницах постепенно пропадает, что и подтверждают последние примерно семь десятков страниц книги. Тут автор рисует нам известную со школьной скамьи «этническую ситуацию» в Восточной Европе в IX в., историю викингов в Восточной Европе, торговые пути. Столь же тривиальна и картина «первых предгосударственных образований»: северная конфедерация племен — это те племена, которые призвали Рюрика в 862 г. Сюда же можно отнести знаменитый «русский каганат», историческое существование которого автор признал, но над локализацией его голову ломать не стал, а просто связал с «областью расселения полян»⁶. А вот и вождь Древнерусское государство: его образование, оказывается, «традиционно» связывают с событиями 882 г., то есть с захватом князем (или не князем) Олегом нескольких поднепровских городов и, в конце концов, Киева⁷.

Если исходить из того, что «традиционно» принято, то автор этих строк помнит, как в 2012 г. в Новгороде участвовал в праздновании 1150-летия Российского государства. И хоть, как потом я выяснил, это празднование было менее пышным, чем более ранний юбилей в 1862 г., но хорошо, что тогда книги Темушева еще не было, а то бы годовщины события пришлось ждать еще очень долго! Собственно, и сейчас бы еще ждали. Если говорить серьезно, то, сколько же можно подходить к истории государства наивнее, чем это делали некоторые историки «осмнадцатого» века, в частности А. Л. Шлецер? Разве может государство начаться с какого-либо года? Свой труд Темушев закончил несколько противоречиво: не стоит преувеличивать роль варягов в становлении русской государственности, но наиболее убедительной выглядит скандинавская этимология слова «русь»⁸.

Ломать голову, зачем издали в России эту книгу белорусского историка, которая находится на уровне не очень полноценной студенческой дипломной работы, поскольку даже от такого рода работы требуется некая научная новизна, и по нынешним временам большим тиражом (500 экз.), можно долго, и неизвестно, к ка-

⁴ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014; 2017. — Не могу не отметить, что один из московских историков совершенно не понял задачу моего труда. В венгерском журнале он пишет: «Один из ближайших сотрудников и соавторов И. Я. Фроянова А. Ю. Дворниченко издал объемистую историографическую монографию, ориентированную на концепцию Фроянова» (Петрухин В. Я. Начало русского государства и летописания в российских работах 2000–2020S гг. // Russian StudiesHu. 2021. No. 2. P. 100–101. Note 39). Моя работа ориентирована не на концепцию И. Я. Фроянова, хотя о ней речь в книге также идет, а на всю мировую научную мысль, несколько веков бьющуюся над проблемой «Древнерусское государство».

⁵ Темушев С. Н. Образование Древнерусского государства. С. 254.

⁶ Там же. С. 298.

⁷ Там же. С. 300.

⁸ Там же. С. 319, 326.

кому результату придешь. Возможно простое предположение: издательствам надо как-то конкурировать, а для этого надо как можно больше издавать. Автор, надо заметить, постарался забыть об этом своем сочинении, поскольку в списке литературы следующей книги рассмотренной нами публикации нет.

Книга «Налоги и дань в Древней Руси», вышедшая через год, производит лучшее впечатление. За это время автор серьезно поработал, прочитал много новой для себя литературы. Скажу сразу, что одно из ощущений, которое я испытывал при чтении, — это то, о котором писал В. Ходасевич: я все время застывал над произведением, как «любопытный кузнец над просветительской брошюрой». Так, из всего, чем наполнил автор несколько страниц введения, ясно только то, что тема имеет «определенную актуальность», да еще понятны хронологические рамки исследования, хотя автор их сам нарушил, замахнувшись на «трансформацию налогово-даннической системы» и после монгольского нашествия⁹. Мучительное обоснование нелепого понятия подобной «системы» (для глубоко архаичного Средневековья!), по всей видимости, и была одной из задач введения.

Оказывается, что «налогово-данническая система является ключевым элементом финансовой системы государства»¹⁰. Эта пресловутая система каким-то загадочным образом возникла в голове автора. Я уверен, что ни К. Маркс, ни А. Смит с Д. Рикардо, ни даже «неоклассицисты» (всех этих славных мыслителей исследователь вовлекает в свой умственный процесс) не виноваты! Сконструировав это понятие, историк пытается внедрить его и в умы читателей, сопровождая сей процесс забавными псевдонаучными определениями.

Его метод работы, который напоминает мне нечто среднее между старинным русским винегретом и не менее старинной солянкой, применен и в разделе, следующем за введением. Посвящен он историографии, источникам и методам исследования. Видимо, этот раздел надо рассматривать в совокупности с книгой об образовании Древнерусского государства, но и тогда адекватной историографической картины у читателя не будет. Наверное, потому, что об истории исторической науки у «известного историка» представление крайне туманное: А. Е. Пресняков у него оказался представителем юридической школы, а о современной школе И. Я. Фроянова, в рамках которой работает ряд известных ныне историков, он и вовсе не знает, хотя, например, моя работа о «зеркалах и химерах» была бы ему и тут полезна.

Что касается дореволюционной историографии, то ее автор трактует слишком упрощенно, дескать «решали в пользу внешнего завоевания»¹¹. А что можно, например, почерпнуть из такой информации: «значительный вклад в осмысление эволюции древнерусского полудья внес в последнее время П. С. Стефанович»¹². И все! Но, главное, С. Н. Темушев не может понять двух основных трендов отечественной историографии: одни *верили* в ранний феодализм, в частной или государственной его форме, а другие не *верили* и писали о дофеодальных формах власти и собственности.

Отмечу к слову, что натужна и бессмысленна историографическая попытка вырвать из советского контекста Белоруссию и характеризовать «белорусских» историков той поры. Все мы были *советскими* историками. Мысль о том, что бе-

⁹ Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 278–287.

¹⁰ Там же. С. 8.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 35.

лорусские историки и тогда, и позже изучали организацию власти и управления в Полоцкой земле, в общем правильная, но ведь были и небелорусские историки, которые это изучали¹³. Изложение западной историографии — и вовсе скудное, я оставляю его на совести автора¹⁴, при этом надеюсь, что поклонники Чарльза Тилли не будут негодовать по поводу такой примитивизации его концепции (не был почтенный политолог поклонником рэкета!).

К разделу об источниках у меня особых претензий нет, за исключением непонимания его присутствия в книге. То, о чем здесь автор пишет или хорошо известно, или он сам в этом не очень разобрался (например, во взглядах И. Я. Фроянова и А. И. Юдина на былины). Уже тут автор каким-то образом извлек из грамоты Ростислава Мстиславича «свидетельство о существовании общедревнерусской (sic!) налогово-даннической системы»¹⁵. Кое-что он сам позже забыл, например, о привлечении (ретроспективно) материалов по Великому княжеству Литовскому. Кстати, сама по себе мысль об использовании материалов Литовско-Русского государства, в том числе и для изучения «налогово-даннической системы», весьма плодотворна¹⁶. В свое время Х. Пашкевич проницательно заметил, что история языческой литвы — не только самостоятельный предмет изучения, но в то же время и часть общей истории Руси, причем одна из важнейших ее глав¹⁷. На том стояла и русская историческая мысль, которая даже именовала государство Литовско-Русским. Жаль, что С. Н. Темушев забыл об этой ретроспекции, хотя, объективно говоря, история Великого княжества Литовского (Литовско-Русское государство) является одним из слабых мест современной российской, да и белорусской историографий¹⁸.

Параграфы 1.3 («Проблема методологии исследования...») и 2.1 («Внутренние и внешние предпосылки образования государства восточных славян и формирования налогово-даннической системы») автору надо было бы слить воедино — это главные теоретические части его работы. Впрочем, такое слияние мало бы что дало: при чтении обоих параграфов читателя не покидает ощущение, что они были написаны не в последние лет пять, а в 1970–1980-х гг.¹⁹: авторитеты, на которые автор книги ссылается, — специалисты, безусловно, уважаемые, но их труды были опубликованы именно в те годы. С той поры много воды утекло и их высказывания вполне можно было бы дополнить работами наших современников, например

¹³ См.: Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М., 2013.

¹⁴ Любезного моему сердцу Г. В. Вернадского автор называет российским эмигрантом, а вот Александра Арнольдовича Экка — почему-то историком сугубо «бельгийским» (Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 48). Но, главное, С. Н. Темушев не понимает того, что эмигрантская концепция выростала/прорастала из русского наследия. См.: Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

¹⁵ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. С. 67.

¹⁶ Там же. С. 87–89. — И такие попытки в обозримое время предпринимались. См.: Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.

¹⁷ Paszkiewicz H. The Origin of Russia. New York, 1954. P. 185.

¹⁸ Дворниченко А. Ю. Ускользящая реальность. Литовско-русское государство в историческом сознании (в печати).

¹⁹ Что сейчас может дать нам статья И. В. Созина (в анализируемой книге проходит под именем «Созис») 1957 г. с тогда уже устаревшей идеей о неких укладах, якобы присутствующих в древнерусской экономике и общественном строе? См.: Созин И. В. К вопросу о причинах перехода славян от первобытнообщинного строя к феодализму // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 102–114.

славных российских неоэволюционистов, о существовании которых автор, по-видимому, не подозревает²⁰. Мысль его мечется между «раннефеодальной монархией» и ролью личности в истории, а в конце концов все сводится к формальному перечислению кем-то придуманных методов исследования: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный и др.²¹ Тут уже явно запахло диссертацией: во многих из них обычно присутствует такое бессмысленное перечисление методов.

Рассуждения повисают в воздухе. Видимо, поэтому ключевым в них оказывается процесс, который был известен советской исторической науке под названием «класообразования»²². Вождество — это величайшее достижение современной антропологии, но никакой помощи в понимании полито- и государство-генеза автору оно не оказывает. Единственный его отрыв от советского наследия — это признание того, что «появление государства вовсе не означает синхронного возникновения феодальных отношений или любой формации»²³.

При этом государство, по С. Н. Темушеву, — вовсе не репрессивная машина, в рамках которой государственная власть является выражением интересов господствующего класса, а система, обеспечивающая жизнедеятельность общества, являющегося единым политическим организмом. И этого тезиса напрашивается вывод, что наш историк явно живет при социализме (типа шведского). Вдобавок ко всему он явно запутался во всех этих прибавочных продуктах, средствах производства и пр. И еще: есть, по мысли автора, два пути формирования «налогово-даннической системы»: внутренний и внешний, но внутренний почему-то в источниках не отразился²⁴. По меньшей мере это странно: может, их еще и не было, налогов этих?

Автор словно не замечает этих «теоретических» противоречий. Государство возникло, а общество остается еще долго родоплеменным (но тогда надо писать, как Н. И. Хлебников об «искусственно-родовом государстве»)²⁵. Налоговая система состоит из контрибуций и добровольных приношений, но под пером историка почему-то приобретает общее название «дань». Как-то совсем по-современному звучит утверждение, что для фискальных органов (напомню, что речь идет о глубокой древности) было характерно преобладание личных связей и непостоянство функций²⁶. Утверждается, что налоговая система, «которая не зависела от погодных условий», сыграла ключевую роль в политогенезе²⁷, но с этим трудно согласиться, поскольку даже непонятно, как она соотносится с оброками/даними. Разрешить эти противоречия не помогут ни статьи наших доморощенных марксистов 1950-х гг., ни миниатюры Радзивилловской летописи.

²⁰ Отмечу, что в списке литературы первой книги есть публикация Н. Н. Крадина (*Крадин Н. Н. Политическая антропология*. М., 2011), но в тексте я работы с ней и с этой традицией не обнаружил.

²¹ Темушев С. Н. *Налоги и дань в Древней Руси*. С. 95.

²² Там же. С. 99.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 113, 324.

²⁵ Дворниченко А. Ю. *Зеркала и химеры*. С. 96. См. также: Хлебников Н. И. *Общество и государство в домонгольский период русской истории*. СПб., 1872. С. VII, 13–14, 33 и др.

²⁶ Темушев С. Н. *Налоги и дань в Древней Руси*. С. 109, 326. — Не перепутал ли историк наш X в. с нашим же XXI в.?

²⁷ Темушев С. Н. *Налоги и дань в Древней Руси*. С. 325. — На следующей странице историк смеялся эпохи, заявив, что подымное, или подворное, обложение по своему содержанию тождественно поральному (так в оригинале!), гораздо более позднему.

Кстати, я не сторонник злоупотребления всякими методологиями. Если бы у автора была добротная концепция, которая объясняла бы хотя бы часть явлений древнерусской истории, ему вполне можно было простить незнание того, что сравнительно недавно писали о государстве М. Фуко, П. Бурдьё, Б. Мур, Э. Томпсон, Т. Скочпол, Дж. Гасфилд и др., но ведь концепции-то нет. На протяжении шести страниц анализируется, как славянские князья обогащались в догосударственный период, после чего автор сравнивает процессы формирования государственных финансов в западославянских государствах. Сама по себе мысль правильная: несмотря на многочисленные противоречия между славянскими народами в ходе истории, их объединяют многие черты политического и социального развития. Более того, вслед за историками прошлого я готов говорить о своего рода единстве развития славянских народов, во всяком случае, в определенные периоды их истории²⁸. Но хватает ли для понимания сложных сравнительно-исторических параллелей нескольких страниц? Правильно ли составлен вопросник, который историк предлагает западославянским обществам? Его подход мне вполне напомнил воззрения М. Б. Свердлова, который решил обнаружить у всех славянских народов феодализм в ранний период их истории... и обнаружил. Кстати, недавно ушедший из жизни петербургский историк был более последовательным: он взял для рассмотрения и югославянские политии²⁹.

Отдельная глава книги, посвященная развитию «финансовой системы» в конце IX — XI в., строится на рассуждениях вокруг пресловутого прибавочного продукта, но объяснить в исторический процесс древности в целом они не могут. Упор автор делает (и это прорыв!) на династию Рюриковичей, которая вершила великие дела. При этом власти предрежащие той поры и летописцы видели, что внешний путь формирования налоговой системы, то есть дани, является простым и эффективным. А племенам оставлена только одна роль: радоваться возникающей политической организации и «в конечном итоге государству»³⁰. Вот бы удивились, наверное, покоряемые Олегом племена, если бы узнали о такой своей позиции!

И еще одно «открытие»: оказывается полюдьё X в. не тождественно полюдью XII в. Возможно, это даже разные институты. Теперь понятно, почему автор забыл о своем обещании привлечь материалы по Великому княжеству Литовскому — они же вообще относятся к XIV–XVI вв. И. Я. Фроянов, по мысли автора, излишнее значение придает сакральной сущности полюдьё³¹. Так ведь в архаических обществах все было сакрально. При этом сам автор видит религиозный контекст в событиях XI в.³²

Во всем это разделе нет ни одного слова, которое бы свидетельствовало о некоей научной новизне и какой-либо научной глубине. Все это какие-то наивные рассуждения далекого от понимания древних обществ человека. Более того, автор сам запутался в этих реалиях и норовит запутать читателя. Во всяком случае, из крайне путаного текста читателю ни за что не понять, что такое полюдьё и дани, как они соотносятся между собой. Особенно на фоне классической работы И. Я. Фроянова

²⁸ Дворниченко А. Ю. Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. № 6. С. 87–89.

²⁹ Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

³⁰ Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 140.

³¹ Там же. С. 145.

³² Там же. С. 175.

о рабстве и данничестве³³. Слоган о «функционировании простейшей системы сбора налогов-дани в форме полюдья»³⁴ ничего, к сожалению, не объясняет. Да и как соотносятся «союзы племен» и государство, которое историк наблюдает в те же самые времена?

Автор сам плохо разобрался в феномене полюдья — важнейшем явлении древнерусской старины³⁵. В одном месте он пишет, что «одним из ранних этапов превращения свободного населения в феодально-зависимое является период существования полюдья»³⁶. Через несколько страниц, как будто забыв о сказанном, Темушев заявляет, что институт полюдья не был прообразом феодальной ренты: зарождение и само функционирование этого института было связано с дофеодальной эпохой, а зарождение этих самых «феодальных отношений» явилось отрицанием этого института³⁷. Читатель пребывает в полном недоумении... С источниками автор обращается вполне произвольно. Например, в летописи сказано, что «Олег нача города ставити, и устави дани словенем, кривичем и мерем, и устави варягом дань даяти...»³⁸. Вряд ли можно из такого сообщения летописи без всякого сомнения увязывать между собой устройство городов и сбор дани.

Впрочем, судя по тексту, автор и не претендует на самостоятельность своих наблюдений: свет в окошке для него такой знаток Древней Руси, как М. Б. Свердлов. Но подходы М. Б. Свердлова не бесспорны...³⁹ Не придает никакой новизны (ну, разве что курьезной) и привлечение, так сказать, локального (полоцкого) материала. Тут автор призвал на помощь даже белорусских школьников, которые, оказывается, хорошо знают историю с покушением Рогнеды на жизнь Владимира⁴⁰. Впрочем, пафос его наблюдений не в этом: он изобретает некое общее владение Рюриковичей всей «Русской землей» (хотя до него это изобретали очень многие) и отстаивает право «Роговолодовых внуков» в распределении этих ресурсов⁴¹.

Что тут скажешь? Приятно, что С. Н. Темушев возвращает в общую семью восточнославянских областей Полоцкую землю⁴². Дело в том, что белорусские историки после обретения Белоруссией самостоятельности на обломках СССР, стали уводить эту самостоятельность во времена древнего Полоцка, который должен был стать основой их государственности в исторической, так сказать, перспективе. Го-

³³ Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996.

³⁴ Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 210.

³⁵ Там же. С. 150.

³⁶ Там же. С. 152. — К слову сказать, полюдье со скандинавской вейцдой надо сравнивать достаточно осторожно, во всяком случае, привлекать работы классика скандинавистики А. Я. Гуревича. Автор основывается на его работах 1950–1970-х гг., но были же и поздние статьи Гуревича, создателя теории скандинавской цивилизации бондов, весьма скептически относившегося к феодализму. См., например: Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей: Человек в истории. 2006: Феодализм перед лицом историков. М., 2006. С. 11–49.

³⁷ Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 158–159.

³⁸ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 14.

³⁹ См., например: Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 153–160.

⁴⁰ Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 183.

⁴² «Нет оснований исключать полоцкую династию из общерусской политической системы» (Там же. С. 182). Тут только стоит добавить, что и сам Полоцк исключать не стоит.

сударственность им видится как «внутренняя потенциальная способность (курсив мой. — А. Д.) этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития»⁴³. Исходя из такой сомнительной дефиниции государства, ученые обнаружили свою государственность в виде «исторических и национальных форм». При этом, «исторические формы доминировали во второй половине IX — начале XX в., а национальные формы — в начале XX — начале XXI в. Возврат автора книги к более здравым подходам — дело хорошее, но не ценой же изобретения каких-то новых неправдоподобных вещей, вроде этого общего владения!

Текст, посвященный пресловутым «реформам» княгини Ольги, ничего нового в науку не вносит, а сводится к пересказу спорных утверждений, на этот раз уже не только М. Б. Свердлова, но и В. Я. Петрухина. Что касается обеспечения церковной организации в Древней Руси, то, изложив не без путаницы некоторые взгляды историков (меня почему-то в этом ряду даже не порадовала моя собственная брошюра 1988 г., изданная Ленинградским домом атеизма), автор делает открытие: оказывается, «на церковь была перенесена служебная организация»⁴⁴. Признаться, этот момент я просто не понял... Дело в том, что служебно-городская система была в свое время обнаружена на чешском и польском материалах, а потом ее реликты нашли и у восточных славян, и в Великом княжестве Литовском⁴⁵. По сути дела, это совокупность зависимого и свободного населения, которое группировалось вокруг княжеской власти. На русской почве такая «система» изучалась еще А. Е. Пресняковым. Со служебной сопрягалась еще и городская система, представляющая собой набор княжеских в основе замков и укреплений. При чем же тут церковная организация?

Ключевая в исследовании глава о «формировании финансов в древнерусских княжествах» (XII — 1-я пол. XIII в.) начинается с многообещающей попытки разобраться в причинах политической раздробленности Древней Руси. Волонтаристски подойдя к историографии, то есть приведя несколько разрозненных высказываний⁴⁶, автор делает свой неожиданный и ничем не обоснованный вывод о том, что процесс дробления Руси на ряд независимых княжеств-земель берет свои истоки в стремлении представителей правящей княжеской семьи к перераспределению в свою пользу доходов⁴⁷. При этом историк знать не знает ни об известной с XIX в. идее о городах-государствах Древней Руси⁴⁸, ни о недопустимости выражения «княжества-земли», поскольку лексикон Киевской Руси вовсе не знал термина «княжество», в нем применялось только слово «княжение»⁴⁹. И даже «обще-

⁴³ История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1 / А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2018.

⁴⁴ Там же. С. 192.

⁴⁵ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. С. 175–180.

⁴⁶ Ему стоило обратиться к давней, но содержательной статье подзабытого ныне ульяновского историка Ю. А. Кизилова (*Кизилов Ю. А. Советская историография феодальной раздробленности и форм государственного строя средневековой Руси // История СССР. 1979. № 2. С. 87–104*). Знакомление с этой статьей показывает искусственность и бредовость как самого термина «феодальная раздробленность», так и всего, что под него пытались подвести историки.

⁴⁷ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского. С. 205.

⁴⁸ «Отполированный» временем труд на эту тему (*Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988*) остался автору совершенно неизвестным. См. также: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры.

⁴⁹ В другом месте, наряду с княжествами-землями, появляются и княжества-волости, что еще больше осложняет понимание предмета.

принятая связь между ростом боярского землевладения» и раздробленностью⁵⁰ не смущает автора. Он рисует какую-то, мягко говоря, странную картину «функционирования налогово-даннической системы в Древней Руси», причем наидревнейшая десятичная система следует по времени «за функционированием простейшей системы сбора налогов-дани в форме полюдья»⁵¹.

И вот вершина всех методологических поисков и находок «историка»: «До формирования феодальных отношений (а о таком можно говорить только с XII в. и то с учетом древнерусской специфики) с развитым княжеским домениальным хозяйством и частным боярским землевладением именно государство в лице киевской династии выступало в качестве эксплуататора всего населения, обеспечивая его части привилегированное положение»⁵². Нам известна эта теория верховной феодальной собственности на землю, которая завела в тупик советскую историческую науку. Но излагая ее в очередной раз, надо бы сослаться на предшественников. Страницы, на которых, по В. Л. Янину, излагаются сведения о «чиновниках» Древней Руси, я анализировать не буду; так же, как и затянутае, при этом совершенно бессмысленное сравнение древнерусского посадника с франкским графом — не стоит это сил и средств.

Даже на общем странном фоне этого исследования совсем странно выглядит параграф, посвященный источникам пополнения княжеской казны. Фактически автор перечисляет различные направления деятельности древнерусских князей. Смысл этого сбивчивого и запутанного текста совершенно непонятен. Возможно, суть его в том, что «создание и содержание в порядке дорог и в наши дни — важнейшая задача государства, на которую выделяются значительные средства»⁵³. Это, конечно, важное напоминание современным чиновникам, во всяком случае, российским, но причем тут Киевская Русь?

И даже «дорожные конфликты» в духе Ильи Муромца и Соловья-разбойника кажутся тут притянутыми за уши. Насчитав десять и более статей расходов древнерусских князей, автор книги тут же проникся к ним жалостью и решил помочь. Оказывается, «источники средств были довольно многообразны и могли в полной мере покрыть княжеские расходы»⁵⁴. Сделав такое эпохальное наблюдение, С. Н. Темушев перечислил эти источники. Я стал читать и разбираться, нет ли тут какого-то дублирования: чем, например, грабительские набеги отличаются от даней-контрибуций, но вовремя опомнился, осознав всю бессмысленность траты времени. Тем более что замах ученого могуч: тут же, что называется по ходу дела, он хочет решить проблему смердов, было или нет крепостничество и т. д. Причем, проблемы он решает на протяжении одного-двух абзацев, без привлечения каких-либо источников.

Вывод из всего этого сбивчивого текста направлен против близкого нашему сердцу вывода об отсутствии «организованного государственного хозяйства»

⁵⁰ Там же. С. 210.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 214. — Через несколько десятков страниц автор забывает об этой своей сентенции и пишет о том, что древнерусское общество находилось в стадии формирования, что рано (даже для XII в.) говорить о существовании феодальных отношений классического западноевропейского образца (Там же. С. 275). А зачем о нем говорить, если у нас был якобы государственный феодализм? Или пусть расцветают феодализмы, как те самые сто цветов китайского политика? Пусть тогда мудрый историк покажет, как они между собой уживаются. Ср.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

⁵³ *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. С. 255.

⁵⁴ Там же. С. 262.

в Древней Руси⁵⁵. Несмотря на то, что статьи доходов были во многом эпизодическими, сведения о деятельности князей свидетельствуют о достаточном наполнении княжеской (государственной) казны. Приходится усомниться в научности и вообще осмысленности всего этого «анализа» придуманной автором «финансовой системы».

Выпирающий из книги параграф о «трансформации налогово-даннической системы русских княжеств после монгольского нашествия», созданный путем все того же «выборочного» цитирования исторических сочинений, не только не разъясняет предмет, но еще больше запутывает читателя. Оказалось, что раньше основная масса населения Древней Руси общалась с государством посредством косвенных налогов (первый раз появляется такое понятие), а прямые налоги (дань) платили только некоторые категории лично и поземельно зависимого населения⁵⁶. Так и хочется попросить: «С этого момента поподробнее!»

Следующие 30 страниц мне понравились больше других. Может потому, что тема меня очень интересует: отношения Руси с литвинами и другими данниками. Ведь именно из этих отношений во многом и рождается феномен Литовско-Русского государства. По крайней мере, предмет изучения ясен: отношения Киевской Руси с иноэтничной средой. Тут у автора есть и убедительные суждения: например, о том, что поход Даниила Романовича и его союзников отнюдь не был частью европейского крестового похода⁵⁷. Впрочем, должного знания историографии историк и тут не проявляет.

Так, он пишет, что В. Т. Пашуто в своей книге, хорошо известной белорусским историкам, дал крайне поверхностную характеристику эволюции русско-литовских отношений⁵⁸. Вполне возможно, что книга хорошо известна историкам, но сам С. Н. Темушев читал ее явно невнимательно, иначе заметил бы, что В. Т. Пашуто выделил те же самые этапы русско-литовских отношений, что и он сам⁵⁹. Зато вполне справедливо автор рецензируемой книги принимает концепцию «внешних и внутренних смердов», которая восходит к работам Н. И. Костомарова, а в XX в. была убедительно подтверждена И. Я. Фрояновым⁶⁰. Осталось неясно, почему финно-угорские и балтские племена — не объект внешней политики для Руси, а «иноязычные федераты»⁶¹. Этого историк не объяснил.

В этой части книги особое сомнение у меня вызвало открытие ее автором уже в первой половине XIII в. мощной политической организации на базе литовско-го этноса с консолидированной верховной властью⁶². Доказательством ему служат

⁵⁵ Автор пытается оспорить идеи, высказанные в нашей коллективной статье: *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Спорные вопросы развития государственной собственности в Древней Руси // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм): в 2 т.* Т. 1. М., 1988. С. 106. — А я и по прошествии стольких лет уверен, что ход нашей коллективной мысли был верен.

⁵⁶ *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. С. 286.

⁵⁷ Там же. С. 307.

⁵⁸ Там же. С. 293.

⁵⁹ *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 366–367, 382.

⁶⁰ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 243–244. — Ср.: *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. С. 319.

⁶¹ *Темушев С. Н.* Налоги и дань в Древней Руси. С. 327.

⁶² Там же. С. 299.

набеги литовцев на русские пределы и их победы над немецкими рыцарями. Надо заметить, что победы над тевтонами принадлежали в основном жемайтам (Нижняя Литва), у которых и позже были не очень простые отношения с аукштайтами (Верхняя Литва)⁶³, а посему делать какие-то далеко идущие выводы из этих побед, как, впрочем, и из литовских набегов на Русь в плане создания той самой «мощной политической организации» вряд ли правомерно.

Теперь общие соображения... Изучение Киевской Руси — занятие сложное и специфическое, хотя и очень важное, значимое для науки и общественного сознания. Это, кстати, очень хорошо понимали в советский период. В наши дни эти исследования надо интенсифицировать. При этом надо иметь в виду, что какого-то прорывного увеличения источников не ожидается, хотя кое-что, конечно, найти еще можно. Вспомним добрым словом тех благородных и знающих людей, которые систематизируют, заново переводят, объединяют и шлифуют прежний компендиум источников. Среди новых отметим берестяные грамоты — источник, конечно, очень полезный, но эвристические его возможности на данном уровне науки преувеличивать не стоит, так же как и возможности остатков материальной культуры. Кстати, тут и таится одна из слабостей исследования С. Н. Темушева. Он посчитал главный источник по истории Древней Руси — летописи — малозначимым и второстепенным⁶⁴. Летописи же — наше все, главный источник для эпохи русского Средневековья.

Приступая к изучению Киевской Руси, надо осознавать, что, как ни в какой другой области исторического знания, здесь необходимо знание историографии. К сожалению, целостная историография Киевской Руси еще не написана, но пособия для ее изучения, особенно в связи с проблемой Древнерусского государства, есть. Важно отметить то, что С. Н. Темушев старается опереться на работы представителей разных школ и направлений исторической науки, не стремясь, например, замалчивать работы И. Я. Фроянова, что часто, к сожалению, у нас бывает. Но знания историографии автору книги явно не хватает, а главное, тут необходимо занять определенную позицию — это ж как вечный вопрос философии, от которого никуда не уйдешь! Кто-то признает социальный (феодальный, рабовладельческий) антагонизм в Киевской Руси, кто-то не признает; кто-то видит там государство, а кто-то и вовсе его не наблюдает. А ведь в российской науке за эти последние 30 лет мало что изменилось, во всяком случае, фактически. Наш герой решил возвыситься над схваткой: критиковал феодализм, а потом взял да и дезавуировал себя. Оказалось, что он приверженец феодализма, причем еще и государственного феодализма. Отсюда удивительная теоретическая и историографическая, так скажем, мешанина, которая наблюдается в анализируемом труде. И все-таки завершить хочется на оптимистической ноте: «ищущий да обрящет» — во всяком случае, в следующих монографиях, ведь интерес к науке автор явно имеет, да и научный потенциал, как думается, тоже.

References

Dvornichenko A. Yu. *Gorodskaja obshchina Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia v XI-XV vv.* Moscow, Ves'mir Publ., 2013, 232 p. (In Russian)

⁶³ *Gudavičius E. Kryžiaus karai Pabaltijje ir Lietuva XIII amžiuje.* Vilnius, 1989. P. 174.

⁶⁴ *Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси.* С. 324.

- Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo kniazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshchiny, soslovii, gosudarstvennosti*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1993, 204 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkii istorik Georgii Vernadskii. Puteshestviia v mire liudei, idei i sobytii*. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Slavianskaia obshchnost': al'ternativy i mify. *Rodina*, 2007, no. 6, pp. 87–89. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Tak ch'ia zhe eto istoriia? Istoriograficheskii diskurs Velikogo kniazhestva Litovskogo. *Resursnyi potentsial regiona na sluzhbe Otechestvu: k 100-letiiu Udmurtskoi Respubliki i 75-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine*. Izhevsk, Udmurt University Press, 2020, pp. 83–98. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. "Voobrazhaemaia drugaia": Kievskaiia Rus' v nauchno-uchebnom diskurse Vostochnoi Evropy. *Paleorosiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2022, issue (18), pp. 70–82. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery. O vznikenovonii drevnerusskogo gosudarstva*. St. Petersburg, Evraziia Publ., Moscow, KLIO Publ., 2014, 560 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Kievskaiia Rus'. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii*. Leningrad, Leningrad University Press, 1974, 158 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Kievskaiia Rus': Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroia*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 372 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia. *Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavian*. St. Petersburg University Press, 1996, 512 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu. *Goroda-gosudarstva Drevnei Rusi*. Leningrad, Leningrad University Press, 1988, 269 p. (In Russian)
- Froianov I. Ia., Dvornichenko A. Yu., Krivosheev Yu. V. Spornye voprosy razvitiia gosudarstvennoi sobstvennosti v Drevnei Rusi. *Obshchee i osobennoe v razvitiu feodalizma v Rossii i Moldavii. Problemy feodal'noi gosudarstvennoi sobstvennosti i gosudarstvennoi ekspluatatsii (rannii i razvitoi feodalizm)*. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 101–106. (In Russian)
- Gudavičius E. *Kryžiaus karai Pabaltijyje ir Lietuva XIII amžiuje*. Vilnius, Mosklas, 1989. 191 p.
- Gurevich A. Ia. Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoii krest'ianskoi tsivilizatsii. *Odissei. Chelovek v istorii*, 2006: *Feodalizm pered litsom istorikov*. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 11–49. (In Russian)
- Khlebnikov N. I. *Obshchestvo i gosudarstvo v domongol'skii period russkoi istorii*. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina Publ., 1872, 554 p. (In Russian)
- Kizilov Iu. A. Sovetskaia istoriografiia feodal'noi razdroblennosti i form gosudarstvennogo stroia srednevekovoii Rusi. *Istoriia SSSR*, 1979, no. 2, pp. 87–104. (In Russian)
- Kradin N. N. *Politicheskaia antropologiia*. Moscow, Logos Publ., 2011, 272 p. (In Russian)
- Pashuto V. T. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 1959, 532 p. (In Russian)
- Paszkievicz H. *The Origin of Russia*. New York, Philosophical Library, 1954, 556 p.
- Petrukhin V. Ia. Nachalo russkogo gosudarstva i letopisaniia v rossiiskikh rabotakh 2000–2020S gg. *Russian StudiesHu*, 2021, issue 2, pp. 100–101. (In Russian)
- Puzanov V. V. O spornykh voprosakh izucheniiia vostochnoslavianskoi gosudarstvennosti v noveishei otechestvennoi istoriografii. *Srednevekovaia i novaia Rossiia*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996, pp. 153–160.
- Sozin I. V. K voprosu o prichinakh perekhoda slavian ot pervobytnoobshchinnogo stroia k feodalizmu. *Voprosy istorii*, 1957, issue 6, pp. 102–114. (In Russian)
- Sverdlov M. B. *Stanovlenie feodalizma v slavianskikh stranakh*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997, 321 p. (In Russian)
- Temushev S. N. *Nalogi i dan' v Drevnei Rusi*. Minsk, Belarusian University Press, 2015, 278 p. (In Russian)
- Temushev S. N. *Nalogi i dan' v Drevnei Rusi*. Moscow, Kvadruga Publ., 2021, 378 p. (In Russian)
- Temushev S. N. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva*. Moscow, Kvadruga Publ., 2020, 352 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: February 1, 2023

Accepted: May 3, 2023